

И ВСЕГДА РАЗНЫЙ...

Театр. Тастроли

Тревожная музыка. Люди в черном торжественно и неторопливо ставят на сцене необходимые предметы. Залитый красным светом бассейн похож на кровавое болото, по которому ходит, как цапля, высоко поднимая колени, король Филипп. Таким впервые увидели пермские зрители актера Краснодарского драматического театра Станислава Гронского.

Его работа в спектакле «Тиль» по пьесе Гр. Горина не раз отмечалась критикой. И не только потому, что актером найден очень точный, оправданный жанром, пластический рисунок роли. Есть в его Филиппе главное. Он — живой человек. Не символ, не схема, не набор парадоксальных фраз. Он — живой. Злой и бессильный одновременно, величественный, как истинный король, и жалкий, как может быть жалок смертельно больной человек. С каким трудом разгибает он согнутую ревматизмом спину, как испуганно смотрит на свое отражение в воде, потирая висок. Там, наверное, сосредоточились все его боли. Там гибкий, прозорливый ум бьется в странном соседстве с наклонностями изувера. И веришь, что только здесь, в этой промозглой кровавой сырости мог родиться такой полуживотворец-получеловек.

Он вызывает в нас восхищение, когда отталкивает ногой, не осквернив своих рук, «тридцать сребренников» предателя Иоста, и тут же мы смеемся над его жалкой попыткой всеми доступными ему способами обворожить жену генерала Анну. Неоднозначны и его отношения с Тилем, что углубляет конфликт драмы, придает ему новые, неожиданные для читателей романа аспекты. Именно Филипп первым поднимается до осознания Тили как «гласа народного», как страшного предвестника его собственного конца.

В спектакле «Моя профессия — синьор из общества» Гронский получил роль негодяя Раймондо, очень приличного с виду молодого человека, который, промотав половину тетюшкиного состояния, мечтает получить оставшуюся половину и плетет интриги, чтобы лишить права на наследство своего кузена. Роль получалась. Назначена была генеральная репетиция, и вдруг за день до этого Гронский получает в спек-

такле другую роль: Антонио, весьма недалекого соседа главного героя, который перепродает приносимые им продукты, а заодно настойчиво ухаживает за его женой.

Требовалось зажить жизнью совсем другого человека, с иным темпераментом, с иным характером, с иными внешними данными. К чести актера, надо сказать, из этого положения он вышел достойно, не изменив своему правилу быть искренним на сцене, оправдывая любое, самое нелепое, проявление характера своего героя. Прошло время, чрезвычайная необходимость в работе Гронского над ролью Антонио отпала, но он по-прежнему играет в спектакле обе роли. То появляясь щегольский шейный платок, то натягивая кудрявый «итальянский» парик.

А в спектакле «Свадьбы» он исполняет уже три роли.

В чеховской «Свадьбе» это Дымба — «купец греческого происхождения по кондитерской части», как представляют его генералу. Сам он представиться уже не может, потому что мертвецки пьян. Руки и ноги его непроизвольно движутся в ритме «сиртаки», а сам он заливается горькими слезами, смешной и жалкий в своей тоске по родине, где у него «все есть».

Зато полон оптимизма и жизнелюбия его Олег Баян в сценах «Красной свадьбы» из «Йлопа» В. Маяковского. Ах, как он старается, этот вдохновенный теоретик эпэ, нахватывшийся модных слов, танцев и учений. Да, изыщен, да, обаятелен. Но как светятся дыры на локтях его свитера, прикрытого крахмальной манишкой, так сквозь сладкие черты Олега Баяна проглядывает мещанское мурло Олега Бочкина. Сколько бы энергии и организаторского таланта ни вкладывал он в

это «упоительное торжество» выше захолустного массовика-затейника ему не подняться.

В третьей свадьбе — по воле Илья и Петрова «Сильное чувство» Гронский играет Бернардова — личность странную, несколько даже загадочную, но для всех гостей являющуюся лишь приложением к его патефончику, который он старательно оберегает от любых посягательств. Кажется, все его силы уходят на поиски безопасного места для патефончика. Но вот появляется иностранец, и Бернардов, забыв о патефоне, с утренней энергией суетится вокруг него, уговаривая продать сначала косыночку, потом костюм, потом ботинки. Глядя на него, думаешь: «Этот не пропадет».

Разные характеры создает Гронский в спектаклях, поставленных по произведениям мировой классики. Его доктор Макаров в «Варварах» М. Горького настолько безлик и незаметен, что каждая реплика его пугает и удивляет: а это кто еще заговорил? Где уж тут заметить его большую душу. Поэтому и бунт его с попыткой самоубийства не страшен, а, скорее, неожиданно смешон.

И еще с одним героем С. Гронского знакомы зрители Перми. Это дон Фернандо из пьесы Р. Шеридана «День чудесных обманов». Решенный, как и весь спектакль, в старых театральных традициях, в какой-то мере даже являясь пародией на них, образ Фернандо не несет какой-то особой смысловой нагрузки. И все-таки. Плащ, шпага, горящие глаза вечного ревнивца — и мы снова улыбаемся, словно встретили старого доброго знакомого. Нам наперед известно каждое его слово, каждый поступок. Но он напоминает нам о чем-то, может быть, о детских мечтах, может быть, о старых, потрепанных книжках...

Сейчас на гастролях началась репетиция нового спектакля по пьесе «Пифагор», веселой комедии о поисках гармонии. «Место действия — очень древняя Греция», — читаем мы под списком действующих лиц. Ну что ж, назначенный на роль Эпея Станислав Гронский и здесь, вероятно, останется верен себе.

С. ЛЯШЕНКО.

На снимке: С. Гронский в роли Антонио.

Фото В. Крикунова.

